

**БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
“ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ”**

Москва, г/к “Даниловский” 14-17 ноября 2005 г.

Архиепископ Львовский и Галицкий Августин

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ,
СВЯЗАННЫЕ С ЭСХАТОЛОГИЕЙ**

Согласно Откровению Божию, Слово стало плотью, когда «исполнилось время» (Мк. 1, 15). С тех пор, как искупительный подвиг был совершен, всякое время – последнее. Эсхатологические ожидания были естественными для христиан во все времена, ибо имеют основой обетование Спасителя о грядущем Втором пришествии. Наиболее интенсивно они проявлялись в ранний период бытия Церкви, о чем красноречиво свидетельствуют Священное Писание и раннехристианские тексты (в частности, «Дидахе» и творения мужей апостольских).

Для христианского сознания естественно давать жизненным фактам духовную оценку, которая нередко вплетается в эсхатологический контекст. Однако чрезмерная концентрация внимания на теме последних времен может иметь довольно болезненные последствия. Нормой для христианина является праведная жизнь, устроенная таким образом, что Второе пришествие не застанет «врасплох» человека, ежечасно готового встретить конец времен. Образ такого устройства души христианина дает нам Спаситель в притче о мудрых и неразумных девах, ожидающих прихода жениха. Очевидно, что чрезмерное акцентирование сознания на эсхатологическом моменте является прямым следствием нашей греховности и порождаемого ею страха перед грядущим Судным днем. Такое болезненно утрированное ожидание Конца света зачастую сковывает христиан для созидательной деятельности и, самое главное, лишает их жизнь того радостного Пасхального настроения, которым она должна быть целиком проникнута. Аномальное акцентирование сознания на эсхатологическом моменте приводит к тому, что на фоне ожидания скорого конца света любые формы созидания и творчества теряют свою цену и свой смысл. При этом, ошибка в сроках (а мы неизбежно в них ошибаемся, ибо, по словам Самого Спасителя, они не в нашей власти), приводит к риску оказаться в состоянии двойного банкротства. Первое: отклонение, уход христианина в сторону от созидательной деятельности, его апостольства в миру (Церковь, действуя подобным путем, превратилась бы в полусектантскую маргинальную структуру, не имеющую влияния на общество). Второе: лишение возможности реально подготовиться ко «дню Господню, великому и страшному» в условиях, когда в сознании человека доминирует один лишь страх. Память о Страшном Суде не должна связывать христианину руки. Ведь, по свидетельству Евангелия, в тот день «две будут молоть вместе: одна возьмется, а другая останется» (Лк. 17, 35). И если с приближением конца житейские труды не отменяются, то духовная деятельность тем более не должна пресекаться.

Следует отметить еще один современный феномен, тесно связанный с проблемами эсхатологического порядка. Если «время близко», если все кругом отступники и «весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19), и лишь мы, как истинные православные христиане, безошибочны, то отсюда рукой подать до идеи избранничества и «мессианства». Вот и получается: плохо, наскоро воцерковленные люди с неустойчивой психикой, веря в особую миссию России, намереваются канонизировать в России всё. Так начинается молитвенное почитание Григория Распутина и царя Иоанна Грозного, теория о Царе-Искупителе, версии о бесконечных масонских заговорах и т.п. В противовес чину таинства личного покаяния (зафиксированного в Требнике) выдумываются «чины всенародного покаяния», едва ли вообще возможного. С этими целями организовываются крестные ходы, формирующие негативный образ Церкви у «внешних».

Мировоззрение людей, разделяющих подобные взгляды, отличается замкнутостью, мрачностью и, как правило, эсхатологизмом в худшем смысле этого понятия. Налицо не столько

богословская проблема, сколько проблема культурная (бескультурная) и психологическая. Отсюда закономерно вытекает задача повышения общего образовательного, богословского и культурного уровня нашего духовенства и мирян, усиления присутствия Церкви, ее богословского гнозиса в образовательных процессах, в работе СМИ, что могло бы благотворно повлиять на качество умственной жизни общества.

Мы много говорим об успешно идущем процессе духовного возрождения нашего народа в настоящее время, т.е. в период, последовавший за развалом коммунистической идеологии. Это, конечно, так. Но уже становится очевидным, что сегодня мало использовать в этом процессе одни лишь «экстенсивные» методы. Сегодня недостаточно лишь возрождать порушенные храмы и строить новые, созидать лишь внешние формы церковной жизни. Нужна ее интенсификация. Необходимо, прежде всего, развивать наши школы, делать акцент на развитии духовного образования и миссионерского делания. Причем, развивать школьное дело Церковь должна не абстрактно, а исходя из задачи просвещения современного общества, поиска того метода и языка, с помощью которых можно было бы эффективно проповедовать Христа в современном мире. Мы не должны внутренне успокаивать себя сознанием того, что наша церковная жизнь сегодня по своим внешним параметрам приблизилась к тому состоянию, в котором она находилась до катастрофы 1917 г., ибо мы сегодня имеем дело с совершенно другим обществом, другим сознанием, к которому нужно уметь найти подход.

А между тем, очевидно, что сделать это мы пока что так и не смогли. Это видно на двух полностью противоположных по своему содержанию примерах. С одной стороны, мы видим, что для огромной части нашего общества Церковь сегодня не является несомненным авторитетом, как это было раньше, ее убеждения в чем-либо малоэффективны, следовать за ней согласны немногие. А с другой стороны, сегодня внутри Церкви возникла группа христиан, которые не доверяют иерархии, пастырям, богословам. Даже голос Патриарха, Синода для них не многое значит в сравнении с мнением какого-нибудь «местночтимого» авторитета: младостарца или сомнительного «старчика». И те, и другие не прислушиваются к голосу Священноначалия Церкви. Первые – из-за невоцерковленности, вторые, наоборот, – из-за «сверхправославности».

Эсхатологические чаяния в той болезненной форме, в которой они проявляются у нас, порождают одни проблемы и вскрывают при этом другие. Проблема кодов – это порожденная проблема. В ней есть мистический страх необразованного человека перед техническими новшествами, электроникой и проч., подсознательная нелюбовь ко всему, идущему с Запада и многое иное. Зацикленность на теме кодов и паспортов также иллюстрирует прискорбный факт в современной церковной жизни – низкий культурный уровень многих христиан и их крайне узкий кругозор. Не имея адекватного представления о всемирной и отечественной истории, такие люди нередко склонны признавать за всю Вселенную ту среду, то общество, где они обитают, вследствие чего события своего маленького мира считают вселенскими по масштабу.

Но вот, казалось бы, сказано авторитетное слово Святейшего Патриарха, Священного Синода, духовников, богословов. Так почему же проблема не исчезла? Да потому, что вскрылась еще одна, не меньшая: кризис церковного сознания. Голос епископа, оказывается, менее авторитетен, чем призывы «старчика».

Но мало дать оценку словам «старчика» с точки зрения богословия и православного Предания (что, увы, тоже многим пастырям сегодня не под силу). Мало научить священников и мирян, поднять их духовный и культурный уровень. Иерархия Церкви должна сегодня, пока еще не поздно, также позаботиться о том, как возродить свой авторитет, вернуть себе, в первую очередь, образ Литургического предстоятеля и духовного руководителя, а уже затем – администратора. Иначе, когда мы будем уделять слишком много внимания и времени чиновникам и заниматься бумагами, то нашей паствой, душами верующих займутся сектанты и лжестарцы.

Церковная жизнь сегодня с очевидностью требует исцеления и возвращения именно к семейности, соборности, церковности, как таковой. Подумаем также о том, что «время начаться Суду с Дома Божия» (1 Петр. 4, 17). Паства часто хочет видеть лицом к лицу своих иерархов, которые сегодня иногда слишком далеки от своего церковного народа. Нам, епископам, нужно всегда помнить, что мы хоть и «архи», но все же «пастыри», а не администраторы, которые обязаны лишь изредка, по большим праздникам, нисходить до своей паствы, да и то не дальше амвона. Народ нуждается в живом и простом слове, обращенном к нему, в слове Жизни, причем не торжественным слогом излагаемом и с высоты кафедры преподаваемом, а в слове, которое проповедуется всегда, «во время и не во время» (2 Тим. 4, 2), в слове, отвечающем на живые и трепещущие вопросы современности. И главное, в слове, которое не расходится с делом, а значит – с житием того, кто его произносит. Очевидно, тогда-то и прислушаются скорее к слову истинного пастыря, а не какого-

нибудь самопровозглашенного духовного лидера, страшящего своих приверженцев «кодами» и «ИНН».

Только при таких условиях народ церковный поймет, что на разговоры о Последних временах он должен реагировать не вопросом: «Когда наступят?», а вопросом: «Что сделать, чтобы не постыдиться на Суде?». И тогда мысль о Конце света породит не страх, а призыв к молитвенной активности и христианскому творчеству, ибо церковная жизнь, соответствующая традиции апостольского преемства, есть жизнь в Духе Святом, который не есть Дух страха, но Дух силы и радости.

Отец Георгий Флоровский в своем духовном завещании указывал на следующие характерные и необходимые черты православного богословия (а значит, и жизни Церкви):

1. Молитвенная воцерковленность.
2. Эсхатологическая верность Преданию.
3. Возвращение к Отцам.
4. Свободная встреча с Западом.

Думается, что уяснение и проведение в жизнь этих тезисов способно дать Церковному кораблю правильный, прямой курс и уберечь его от тех самых «бабьих басен» на эсхатологическую тему, от которых предостерегал св. апостол Павел (1 Тим. 4, 7).

Церкви сегодня необходимо учиться не только защищаться от духа мира, но и переходить в наступление, ибо «оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь» (2 Кор. 10, 4).